

вание интегрированных структур исследовательского образования в системе университетской госсобственности не должно вступать в противоречие с существующими нормативными установками и законодательными актами, а служить системной поддержкой дальнейшего развития страны и сближения с глобальными тенденциями инновационного развития.

Список использованных источников

1. Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в свое будущее? / Ответственная палата РФ. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007. – С. 65.
2. Щедровицкий, Г. П. Философия. Наука. Методология / Г. П. Щедровицкий. – М., Наука. 1996. – С. 641.
3. Mohrman, K. The research university in transition: the emerging global model // Higher Education Policy. – № 12. – 2010. – P. 5–27.

(Дата подачи: 25.03.2016 г.)

П. П. Можейко

Полесский государственный университет, Пинск

P. P. Mozheyko

Polesye state university, Pinsk

УДК 130.3:2

ТРАКТОВКА ИСТОРИИ И ВРЕМЕНИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ХРИСТИАНСТВЕ

THE INTERPRETATION OF HISTORY AND TIME IN MEDIEVAL CHRISTIANITY

В статье исследуются проблемы объяснения и понимания истории и времени в средневековой философской традиции. Сравниваются античное и средневековое видение исторического процесса. Отмечается их радикальное отличие в объяснении причин исторических событий.

Ключевые слова: история; исторический процесс; время; хронос; средневековье; христианская религиозная традиция.

The article investigates the problem of explanation and understanding of the history and time in the medieval philosophical tradition. Compare ancient and medieval vision of the historical process. Celebrated their radical difference in explaining the causes of historical events.

Key words: history; historical process; time; chromos; middle ages; christian religious tradition.

В философской рефлексии известно немало попыток объяснить природу времени. Каждая эпоха имела свое представление о времени и движущих силах истории. Одна из лучших попыток исследовать феномен времени и истории – это работы Августина «О граде Божиим» и «Исповедь». Правда, необходимо отметить, прежде всего, их субъективный характер. Со школьной скамьи нам известен пространственно – временной континуум теории относительности Эйнштейна. Привычная для нашего общества метафора

истории – линия, уходящая за горизонт. Такое понимание исторического процесса было сформировано христианством. Изменение взгляда на историю, произошедшее в раннем средневековье, было вызвано, прежде всего, иной мировоззренческой парадигмой, которая была свойственна христианской онтологии, и кардинально отличалась от античной. Христианство предлагало рассматривать социальные явления сквозь призму конкретных исторических условий, так как увидело в социальной сфере некую телеологическую устремленность.

Наиболее отчетливо оппозиция античной и христианской культур проявилась в противоположном отношении к таким понятиям, как пространство, время, история. В античности представление о пространстве играло гораздо более значительную роль, чем время. В античном мировосприятии разные уровни истории обладали собственным хронотопом [1, с. 128].

Греки мыслили пространственными категориями, в отличие от сторонников креационизма, которые отдавали предпочтение временным характеристикам. Античный космоцентризм рассматривал историю как составную часть природы. Духовная жизнь, с этой точки зрения, находится вне истории, поэтому античный человек практически не интересуется своим прошлым, которое для него не имеет никакого реального значения, прошлое сливается с мифом. «История в мифе испаряется...» замечает по этому поводу Барт [2, с. 120].

Историки античности предпринимали свои исследования не потому, что считали каждый момент уходящего времени ценным самим по себе. Цель их исследований носила ярко окрашенный прагматичный характер: зафиксировать опыт политических достижений и ошибок для современников и ближайших потомков, которые, находясь в сходных условиях, могли бы реально использовать опыт прошлого. Гуревич высказывает по этому поводу следующую мысль: «Циклическое восприятие времени связано с особым пониманием таких временных аспектов как прошлое, настоящее, и будущее: они не образуют строгой необратимой последовательности, но, скорее, расположены одно подле другого в едином мифологическом пространстве. Прошедшее повторяется, а будущее можно предрекать, видеть наперед еще до того, как оно наступило...» [3, с. 168].

Идеал совершенства в античном мышлении – это круг или сфера, а к идеалу нельзя прибавить что-нибудь новое, поэтому при таком мировосприятии идея исторического прогресса даже не возникает. Отсюда нет необходимости на основе прошлого, изучая его, моделировать будущее. Честертон, анализируя античное понимание истории, пишет: «Их мир – колесо, а не наша кутерьма. Эти цивилизованные и мудрые люди как бы вращаются вокруг пустоты, и хуже всего, что этому нет конца. Вот в чем старость и непрогрессивность Азии» [4, с. 198]. Результат очевиден: все равно будет то, что уже когда-то было.

По-своему глубокая мысль античных историков о том, что прошлое уже закончено, где оно более упорядочено и совершенно по сравнению с насто-

ящим и тем более будущим, приводит к тому, что сама идея последовательного хода истории человечества в этом социуме ими не рефлексируется. История движется по кругу, она никуда не направлена. История творится богами, люди подчиняются фатуму. При таком видении исторического процесса индивид интересен в той мере, в какой в нем проявляется общее, типичное. Все события верифицируемы, неповторимых событий, как и людей, нет. Всюду видится лишь универсальная схема явлений, которая находит свое воплощение в таком понимании хода времени. В античном понимании человеческая история распадается на череду, как правило, невязанных событий, она не процесс развития объекта и субъекта. Лосев по этому поводу пишет следующее: «В язычестве, вырастающем на обожествлении космоса, строго говоря, нет историзма. Языческий платонизм – максимально аисторическая система. Тут сама история и социология есть часть астрономии. В христианстве, вырастающем на культе абсолютной Личности, персоналистична и исторична всякая мелочь» [5, с. 533].

Для дальнейшего прояснения особенностей понимания времени в античности целесообразно воспользоваться понятием, примененным Хюбнером – «архе», [1, с. 448]. Архе не является событием во времени и не содержит объектов, которым в данное время приписывается определенное место с помощью законов, правил, к примеру, «вчера – завтра». Оно монолитно, архе это и есть непосредственно история.

Христианство исходит из положения, что история сама по себе не обожествляет цели формирования социума и индивида и их смысложизненных ценностей. Необходима аксиологически общезначимая точка отсчета исторического процесса. И, с точки зрения христианства такая узловая точка – это рождение, крестная смерть, а затем воскресение Иисуса Христа. Гуревич обращает внимание на следующий факт: «Идея историчности и однократности бытия, в той мере, в какой ее были способны усвоить люди... предлагала им новую перспективу, принципиально новое видение жизни» [3, с. 256]. В силу такого понимания времени история приобретает необратимый характер. «Смысл истории обретается вместе с уверенностью, что происходящие на поверхности социальной действительности процессы не исчерпывают исторической логики», – подчеркивает Панарин [6, с. 18].

Криштапович этот процесс видит следующим образом: «Человек с историческим самосознанием одалживает в прошлом человеческое, это значит индивидуальное, временное, неповторимое. Контакт с прошлым трактуется как встреча индивидуальности (необязательно единичного индивидуума) с индивидуальностью» [7, с. 5]. Необходимо заметить, что восприятие истории, как процесса, направленного из прошлого в будущее было присуще уже библейскому ветхозаветному сознанию: начальная точка в прошлом, и ожидание мессианского Царства в будущем. Правда, будущее соотносилось только как история одного, «богоизбранного» народа. Христианство не просто меняет акценты в оценке исторического процесса, но и иначе пере-

осмысливает роль личности в истории. История начинает рассматриваться не только как однократный неповторимый, определенный Богом процесс [8, 1Кор. 15: 3], который имеет четкое начало (сотворение Богом мира и человека), а также конечную цель – Страшный Суд, но и как сотворчество Бога и человека. Следовательно, содержание исторического процесса наполняется идеей самореализации человека в этом мире.

Сама доктрина христианства имеет строго очерченные хронологические рамки, что зафиксировано в Символе Веры, принятом на Первом Вселенском Соборе: «Распятого за нас при Понтийском Пилате...». Христианство впервые начинает рассматривать историю как всемирный процесс, единый для всего человечества [9]. Такое понимание исторического процесса, заложенное идеалами раннего христианства, стало основой нового исторического измерения и мировидения в Европе. «Реалистический склад ума, отличающий нашу цивилизацию ...проявляется также в наших строгих стандартах исторического факта», – замечает Лангер [10, с. 244].

Каждый момент исторического процесса незначителен перед вечностью, в которой пребывает Бог, как мало значим перед вечностью и сам поток времени. Но Бог, став человеком, реально вместил себя в каждый момент периода земной жизни. Поэтому и сам ход времени, и исторический процесс, несмотря на всю свою малозначимость с точки зрения христианской догматики, вместе с тем получили в христианском вероучении важное значение. Ле-Гофф замечает: «Лихорадочное стремление познать и измерить время приводит к появлению времени, членяемого на части при помощи часов» [11, с. 120]. Христианство обосновало интерес к настоящему и преходящему. Кассирер делает следующий вывод: «В религиозном оформлении понятие времени выражает совершенно определенное и специфическое чувство культуры» [12, с. 137].

Для того чтобы исторический процесс наполнился смыслом, важно определить и обосновать абсолютную цель для развития этого процесса. В идеалах раннего христианства такая цель обосновывается в трактовке учения о творении мира, назначении и призвании человека. Необходимым критерием истинности такого хода истории, на взгляд христианских адептов, является его общезначимость.

Сознание европейского средневекового общества было сформировано именно таким пониманием необратимости хода времени и ценности истории, и оно же подготовило научные открытия Нового времени, основанные на представлении об однородности времени и пространства. Таким образом, христианство радикально интерпретировало проблему времени и истории.

Таким образом, история в христианстве начинает рассматриваться не только как описание фактов и событий, но, прежде всего, как важнейшее средство общения с отжившими ранее поколениями. Поэтому важна не простая датировка исторических событий, а проникновение в дух эпохи, прочтение ее смыслового подтекста. Кроме исторического движения, хри-

стианство обосновало и онтологическое изменение человека, который должен стремиться к уподоблению Творцу [8, Мф. 5 : 48, с. 5]. Таким образом, история, с точки зрения христианских мыслителей, играет важнейшую роль в деле верификации истины. Как обоснованно замечает Арон: «В западной мысли смысл истории проистекает из христианства» [13, с. 342].

Процессы переосмысления христианских идеалов протекали на протяжении практически всего первого тысячелетия, формируя, в свою очередь, новое понимание культурно-исторического процесса и роли в нем человека. Это изменение онтологии, вместе с самым активным участием в последующих процессах отдельных людей, страт, классов, народов, является одним из оснований постсредневекового взрыва наук и технологий, а, следовательно, причиной эволюции мышления и социальных отношений, во многом определивших становление социокультурных ценностей техногенного общества.

Вместе с тем необходимо отметить, что в эпоху Возрождения, ценностные установки которого ориентировались на античную аксиосферу, исторический процесс рассматривался гуманистами как повторяющийся цикл событий. Концепция линейности исторического процесса сохраняется и отстает в это время лишь в христианстве, постепенно трансформируясь в линейность социального времени и теорию общественного прогресса.

Средневековое общество востребовало новый тип человека: человека-творца, человека – преобразователя. Такой тип личности был выработан христианством, исходя, прежде всего, из трактовки роли человека в историческом процессе. В отличие от созерцательных религий Востока и греческих философских учений, христианство по сути своей креативно, оно ориентирует человека на жертвенный подвиг, на борьбу с несовершенством [8, Ин. 15 : 2]. Такой взгляд на историю приводит к изменению отношения к настоящему. Происходит своеобразная инверсия личности: античный человек-созерцатель уступает место человеку – преобразователю мира.

Человек получает цель и средства для ее достижения через творческую деятельность. История рассматривается как процесс, где у каждого человека появляется возможность приблизиться через свои действия к Богу, стать более совершенным. Христианские интеллектуалы утверждают, что божественная и человеческая история неразрывно связаны. Отсюда ими делается вывод, ставший одним из основных в религиозно-философской антропологии: невозможно постичь Бога, не познав человека. Христианство утверждает совместное участие Бога и человека в творении исторического процесса. Следовательно, раннехристианская аксиология, признавая реальное участие конкретных людей в социальных событиях, обосновывает и закрепляет моральную ответственность каждого человека за то, что происходит в этом мире. Риккерт высказывает следующую мысль: «Лишь на основе обнаруживающихся в культуре ценностей становится возможным образовать понятие доступной изображению исторической действительности» [14, с. 92]. Таким образом, трактовка истории в раннем христианстве начинается с Бога, а завершается человеком.

Идеалы раннего христианства, отрицая тезис античной философии о статичности человека и призывая личность к изменению, к развитию и совершенствованию, стали методологической основой креативности средневекового общества, наполняя исторический процесс человеческим действием. Эко высказывает следующее соображение: «На вершине своего развития средневековая цивилизация стремится к тому, чтобы через прекрасное и любую другую ценность запечатлеть непреходящую сущность вещей в прозрачной и в то же время сложной формуле» [15, с. 212]. Новое понимание времени, появившееся в христианской аксиосфере, отличается от античного не только тем, что оно не замкнуто, а имеет направленность, но, прежде всего тем, что конкретность и определенность время получает изнутри, так как с христианской точки зрения, Бог находится вне времени и пространства. Поэтому только человеческая история оформляет временной ряд, придает ему меру и порядок. Именно конкретность каждого исторического события изнутри связывает текущее время в органическое целое. Придав историческому процессу новое онтологическое обоснование, христианство открывает для человека новые горизонты для творчества и самореализации.

Таким образом, христианство вводит новое понимание исторического процесса. Оно следующее: история не запрограммирована с неизбежностью. История творится человеком. И от каждого члена общества в той или иной мере зависит конечный результат исторического процесса. Такая трактовка социального времени послужила одним из важных факторов мировоззренческой мутации в европейских странах.

Список использованных источников

1. *Хюбнер, К.* Истина мифа / К. Хюбнер. – М.: ИФРАН, 1996. – 448 с.
2. *Барт, Р.* Избранные работы. Лишение истории / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
3. *Гуревич, А. Я.* Проблемы средневековой народной культуры / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1981. – 359 с.
4. *Честертон, Г. К.* Вечный человек / Г. К. Честертон. – М.: Эксмо, СПб.: Мидгард, 2004. – 704 с.
5. *Лосев, А. Ф.* Из ранних произведений. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М.: Правда, 1990. – 655 с.
6. *Панарин, А.* Смысл истории: философский анализ / А. Панарин // Вопросы философии. – 1999. – № 9. – С. 3–21.
7. *Крыштаповіч, Я.* Традыцыйны і навуковы гістарызм: Філасофія гісторыі (антрапалагічныя і метадалагічныя праблемы) / Я. Крыштаповіч // Весці АН РБ. – 2002. – № 2. – С. 5–11.
8. Библия. – М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2011. – 1376 с.
9. Каноны, или книга правил, святых апостолов, святых соборов, Вселенских и поместных, и Святых Отцов. – СПб.: Общество святителя Василия Великого, 2000. – 432 с.
10. *Лангер, С.* Философия в новом ключе / С. Лангер. – М.: Республика, 2000. – 287 с.
11. *Гофф, Ле Ж.* Средневековый мир воображаемого / Ж. Ле Гофф. – М.: Прогресс, 2001. – 440 с.

12. *Кассирер, Э.* Философия символических форм: в 3 т. / Э. Кассирер. – М.: Университетская книга, 2002. – Т. 2: Мифологическое мышление. – 280 с.
13. *Арон, Р.* Избранное: Введение в философию истории / Р. Арон. – М.: ПЕРСЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 543 с.
14. *Риккерт, Г.* Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М.: Республика, 1998. – 413 с.
15. *Эко, У.* Искусство и красота в средневековой эстетике / У. Эко. – СПб.: Алетей, 2003. – 256 с.

(Дата подачи: 25.01.2016 г.)

И. В. Морозов

Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск

I. V. Morozov

The Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk

УДК 008

ОТ КУЛЬТУРОЛОГИИ К КУЛЬТУРОСИНЕРГИИ FROM CULTUROLOGY TO CULTURESYNERGY

Современные воззрения на человека и культуру обязывают искать адекватную методологию их познание. Такой концепцией, которая смогла бы сочетать традиционные пути познания и новаторские идеи, предлагается культуросинергия. С ее позиций феномен человек-культура предстает как открытая динамичная система, коммуникативно-диалоговый, креативно-интерпретационный процесс.

Ключевые слова: культура, синергетика, культуросинергия, коэволюция, коммуникация, диалог, самореализация, интерпретация.

Modern views on a man and culture obligate to search adequate methodology of their cognition. Such conception which would be able to combine the traditional ways of cognition and innovative ideas is culturesynergy. From its positions the phenomenon a man-culture appears as an open dynamic system, communicative-dialog and creative-interpretative process.

Key words: culture, synergetics, culturesynergy, coevolution, communication, dialog, self-realization, interpretation.

Культурология как самостоятельная дисциплина, наука о явлениях и законах культуры формируется лишь в последнее столетие. И, как любое научно-теоретическое направление познания, она стала ответом на вызов, который вызрел в недрах бытия социума. Стала порождением той ситуации, когда пришло понимание, убеждение, что с нашей общечеловеческой культурой происходит нечто неладное, болезненное, кризисное.

Уже в своем истоке в культурологии образуются различные течения мысли, нашедшие свой фарватер в просветительской «историософии» и «культурфилософии» (А. Мюллер).

Двумя принципиальными руслами это все более наполняющее полость вливается в гуманитарную мысль прошлого века. Так изначально кроткий мировоззренческий ток феноменального духа и экзистенции постепен-